

THE TERCENTENARY OF YEKATERINBURG

DOI 10.15826/qr.2023.3.816

УДК 94(470.5)"1723/1744" + 314.1(47054–25)"17" + 311.3 + 930.2

Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал*

Елена Бородина

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Светлана Цеменкова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential

Elena Borodina

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Svetlana Tsemenkova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the demographic history of Yekaterinburg in the second quarter of the eighteenth century. The authors focus on the population changes in the city between 1723 and 1744. This issue remains relevant since currently, there are no books or articles that would provide consistent data on the number of residents who settled near the Yekaterinburg plant. The analysis of historiography

* *Citation*: Borodina, E., Tsemenkova, S. (2023). Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816.

Цитирование: Borodina E., Tsemenkova S. Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816 / Бородина Е., Цеменкова С. Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816.

demonstrates that a significant part of scholars provide information about the composition and population of the city only for some years of its existence, without explaining the features of the primary sources underlying their research. This, in turn, has led to the fact that historians are split when it comes to estimates of the population of the fortress factory in the first years of its existence. In connection with the celebration of the city's tercentenary, the researchers' appeal to the history of the population of Yekaterinburg in the second quarter of the eighteenth century becomes even more significant. The work aims to analyse the features and information capabilities of primary sources containing data on the population of the fortress and plant. The main research methods include methods of primary source studies. In addition, the authors use the comparative method and method of system analysis, as well as the method of diachronic analysis. Employing these methods, the authors establish the approximate number and reconstruct the composition and main groups of residents of the future city. Also, they demonstrate that along with national censuses, the mining administration exercised police control over the structure and population numbers to solve various tasks. Among them are the organization of production processes, the defence of factories during the Bashkir uprising of 1735–1740, control over the population on the territory of the city, etc. One of the results of the study is the clarification of the male population of Yekaterinburg. Comparison of data from different years helps draw conclusions about the positive dynamics of the number of inhabitants in the first decades of the city's existence. The increase in the figures and change in the composition of the population affected the appearance of the settlement. It acquired urban features. Thus, in the second quarter of the eighteenth century, there were all the prerequisites for Yekaterinburg to acquire the status of a city.

Keywords: history of the Urals, Yekaterinburg, population, demographic history, censuses, primary source study

Статья посвящена изучению демографической истории Екатеринбурга второй четверти XVIII в. Предметом исследования стали изменения численности населения города в 1723–1744 гг. Данная проблематика остается актуальной, так как на сегодняшний день не существует монографий и статей, которые бы представляли непротиворечивые данные о количестве жителей, селившихся в поселении при Екатеринбургском заводе. Анализ историографии показал, что значительная часть ученых приводит сведения о составе и численности населения города лишь за отдельные годы его существования, не объясняя при этом особенности источников, положенных в основу их исследований. Это, в свою очередь, привело к тому, что историки расходятся в оценках численности населения завода-крепости в первые годы его существования. В связи с празднованием 300-летнего юбилея города обращение исследователей к истории населения Екатеринбурга во второй четверти XVIII в. приобретает еще большее значение. Целью работы являлся анализ особенностей и информационных возможностей источников, содержащих данные учета населения завода-крепости. Основными методами исследования стали методы источниковедения.

Кроме того, были применены сравнительно-исторический и историко-системный методы, а также метод диахронического анализа. Благодаря их использованию в ходе работы был выявлен корпус документов, позволивших установить примерную численность и реконструировать состав и основные группы жителей будущего города. Авторы статьи установили, что наряду с общегосударственными переписями горнозаводская администрация также осуществляла полицейский контроль над структурой и численностью населения для решения разнообразных задач. Среди них организация производственных процессов, оборона заводов в ходе башкирского восстания 1735–1740 гг., контроль над размещением населения на территории города и др. Одним из результатов исследования является уточнение численности мужского населения Екатеринбурга. Сопоставление данных разных лет позволило сделать выводы о положительной динамике количества жителей в первые десятилетия его существования. Рост численности и изменение состава населения влияли на облик населенного пункта. Он приобретал городские черты. Таким образом, во второй четверти XVIII в. сложились все предпосылки для приобретения Екатеринбургом статуса города.

Ключевые слова: история Урала, Екатеринбург, население, демографическая история, переписи, источниковедение

Как справедливо отметил выдающийся историк-демограф Я. Е. Водарский, «история общества – это, по существу, история населения» [Водарский, с. 3]. Данное высказывание актуально как в случаях, когда ученые пытаются постичь процессы социально-экономического, политического и культурного развития страны в периоды интенсивных и глубоких трансформаций, так и в ситуациях исследования жизни отдельных государств и обществ на длительных отрезках времени. В истории России одним из этапов активных преобразований традиционно считается время правления Петра Великого, интерес к которому не ослабевает уже на протяжении долгого времени. Эта ситуация не случайна: в годы царствования первого российского императора произошли серьезные изменения в организации системы учета народонаселения, сохранявшей свое значение вплоть до середины XIX в. Кроме того, в рассматриваемый период появились новые городские центры, до сих пор играющие большую роль в развитии страны. Например, в 1703 г. был основан Санкт-Петербург, провозглашенный в 1713 г. столицей будущей империи.

Следует отметить, что значительная часть населенных пунктов, возникших в России первой четверти XVIII в., долгое время не имела статуса города, но обладала необходимым набором признаков для того, чтобы ими считаться. В частности, на северо-западе страны, на Урале и в некоторых других частях будущей Российской империи были созданы заводские поселки, получившие в научной литературе название городов-заводов [см.: Лотарева]. Примечательно, что эти на-

селенные пункты оказали большое влияние на развитие Урала как самостоятельного региона, долгое время считавшегося частью Сибири. Они не только изменили ландшафт территории и заложили фундамент для развития промышленности, но и способствовали дальнейшему освоению Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, заводские поселки сформировали поселенческую структуру региона. Несмотря на это, историография, дающая возможность понять процессы формирования населения городов-заводов, представляется скромной [Кабузан, 1990; Черкасова; Пулькин].

К населенным пунктам такого типа следует отнести Екатеринбург, который создавался как завод-крепость и стал официально называться городом лишь в 1780-е гг. Екатеринбург был построен как завод-крепость в короткие сроки. Его стремительное учреждение и последующее заселение территории были связаны с нуждами организации железодельного производства, что не могло не повлиять на социальный состав и численность населения будущего города. Таким образом, Екатеринбург стал одним из городов, созданных «с нуля» на пустовавшей до того территории.

Несмотря на то, что история раннего Екатеринбурга уже давно привлекает внимание ученых, историки редко обращались к вопросам изучения численности и состава населения на ранних этапах существования завода-крепости. В той или иной степени эта проблематика нашла отражение в трудах целого ряда исследователей [см., например: Чупин, 1882а; Чупин, 1882б; Мамин-Сибиряк; Горловский, 1956; Корепанов; Кузьмин, Оруджиева; Оруджиева]. Характеристики социальной структуры и количества населения также встречаются в обобщающих трудах по истории Свердловска и Екатеринбурга, приуроченных, как правило, к очередной годовщине города [Екатеринбург, 1923; Очерки истории, 1958; Очерки истории, 1973]. Несмотря на это обстоятельство, можно согласиться с мнением М. А. Горловского, отмечавшего, что «точных данных о количестве и социальном составе населения Екатеринбургского завода конца 20-х – начала 40-х годов, к сожалению, нет» [Горловский, 1958, с. 118].

Цифры, которые приводят ученые, разнятся. В частности, по данным исследователей, население в первый год жизни завода-крепости насчитывало до 4 тыс. чел. [Очерки истории, 1958, с. 36; Корепанов, с. 22–23; Оруджиева, с. 108]. В то же время, по оценкам Н. С. Корепанова, в 1725 г. в Екатеринбурге проживало около 500 чел. [Екатеринбург, 1998, с. 23; Корепанов, с. 34]. По данным переписи податного населения Екатеринбурга 1727 г., здесь было уже 745 лиц м.п. без учета семей управителей, духовенства, офицеров и солдат Екатеринбургских рот [Корепанов, с. 34]. В 1736 г. эта цифра выросла до 911 чел.м.п. Правда, по замечанию М. А. Горловского, в это число входили лишь лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет [Горловский, 1956, с. 118; см. также: Оруджиева, с. 108]. В то же время анализ переписи 1736 г. позволил Н. С. Корепанову выявить 1019 чел. [Екатеринбург, 1998, с. 28].

Как можно заметить, в подсчетах ученых имеются разночтения, что уже отмечалось историками-демографами [Корнилов, с. 93]. В некоторых случаях итоговые цифры противоречат друг другу, а характеризующая проблематика требует дальнейшего осмысления. Почему среди историков нет единства по вопросу об определении числа жителей завода-крепости? Ответ на этот вопрос можно получить при анализе источников, которые используются для реконструкции изменений численности и состава населения Екатеринбурга. Как правило, в статьях и разделах монографий, посвященных населению города, отсутствуют сведения о том, какие материалы были положены в основу исследования, каковы полнота и достоверность полученных данных. На наш взгляд, более внимательное отношение к документальным источникам по демографии раннего Екатеринбурга позволит выявить их возможности и ограничения и, таким образом, более взвешенно подойти к исследованию населения города в первые десятилетия его существования. Несомненно, история формирования состава населения раннего Екатеринбурга требует отдельного изучения. В рамках данной работы основной акцент сделан на выявлении и характеристике сведений, позволяющих установить изменения количества жителей завода-крепости.

Особенности источниковой базы

Екатеринбургский завод начал действовать в ноябре 1723 г. в период проведения первой ревизии [Кабузан, 1963, с. 50–51]. Первая перепись податного населения прошла здесь только осенью 1727 г. В середине 1730-х и середине 1740-х гг. производились ревизии полученных данных. Тем не менее, перепись и ревизии не являются единственными источниками, позволяющими охарактеризовать состав и количество населения завода-крепости и его окрестностей.

Учет населения Екатеринбурга осуществлялся не только по инициативе верховной власти, но и по указаниям горнозаводской администрации. Группа источников, созданная в результате этой деятельности, требует не менее пристального внимания, чем традиционно используемые для изучения численности населения страны переписи, ревизские сказки, метрические книги и исповедные росписи. Для истории населения завода-крепости они оказываются важны и потому, что многие документы государственно-церковного учета первой половины XVIII в не сохранились. В частности, метрические книги и исповедные росписи, касающиеся ранних этапов существования города, дошли до нас фрагментарно. Чаще всего они отложились в виде разрозненных документов, требующих скрупулезного выявления и кропотливого сбора.

Наряду с переписями населения и ревизскими сказками, созданными в целях уточнения размеров налогообложения, в фондах ГАСО и РГАДА имеется несколько переписей, созданных для иных целей. Это подворная перепись 1728 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606], список всех служащих и работников горнозаводского ведомства, сде-

ланный при передаче управления Екатеринбургским заводом и находящимися в его ведении территориями В. Н. Татищеву в 1734 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.], полицейские переписи 1736, 1738 гг., основной задачей которых было произвести учет боеспособного мужского населения, лошадей и иного скота, а также оружия, необходимого для борьбы с восставшими башкирами [Там же. Д. 610. Л. 246–282; Д. 996. Л. 308–357]. Кроме того, заслуживает внимания перепись 1744 г., в которой учтены все те, кто числился в ведении горнозаводского управления [Там же. Д. 1071. Л. 4–907 об.].

Как и ревизские сказки и первые государственные переписи, эти документы также дают важные сведения о составе и количестве населения Екатеринбурга, но имеют ряд ограничений для анализа [Кабузан, 1963, с. 54; Водарский, с. 18–33]. Во-первых, они представляются неполными с точки зрения учета всего населения завода-крепости. В них были зафиксированы преимущественно взрослые работоспособные мужчины. Женщины и дети попадали на их страницы случайно (за исключением переписи 1728 г.). Нельзя забывать, что составление переписи всегда имело определенную цель, которая ограничивала включавшуюся в нее информацию. Это могли быть общий учет численности населения Екатеринбурга и его окрестностей, составление списков работников Екатеринбургского завода либо учет мужчин, способных участвовать в военных действиях. Во-вторых, как и любые другие документы этого рода, переписи Екатеринбурга содержат неточности в подсчетах и представлении данных. В частности, если говорить о подворных переписях, мы не можем быть уверены в том, что все дворы в палисаде и за его пределами были учтены должным образом. Изучение достаточно формализованных текстов документов позволяет понять, что в некоторых случаях в подворные переписи не были занесены дворы, если их хозяева и другие жители были слишком стары или по той или иной причине отсутствовали. Примерно то же происходило, если во дворе проживали исключительно женщины, которые, как уже было сказано выше, редко попадали в переписные списки. Кроме того, в ряде случаев можно заметить ошибки в подсчетах переписчиков. В-третьих, в переписи, как правило, не попадали те, кто отбывал наказание на Екатеринбургских заводах. Среди них – недавно прибывшие к месту исполнения приговора ссыльные и каторжные, которые еще не успели обзавестись хозяйством и прочно встать на ноги на новом месте. Как правило, данные об их численности и перемещениях можно найти в других перечневых выписках, например, в «Ведомости, учиненной в Екатеринбургской судной и земской канторе о присланных из разных мест ссыльных для работ и на поселения, и кто где ныне находится, за выключкою беглых и умерших» 1741 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881]. В отдельную категорию можно также выделить заключенных и арестантов, сведения о которых приводятся в росписях и статейных списках колодников 1728, 1734, 1748 и 1752 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 607–612; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1192, 1361]. В-четвертых,

из поля зрения делопроизводителей, проводивших переписи, часто исчезали «командиры» – руководители горнозаводской администрации.

Несмотря на эти ограничения, специальные переписи, проводившиеся горнозаводской администрацией, являются более точными и полными для определения численности и состава населения завода-крепости, чем переписи и ревизии, организовывавшиеся на общероссийском уровне. В первую очередь это касается учета представителей социальных групп, занятых на заводских работах и обслуживавших нужды главного органа горнозаводского управления региона – Сибирского обер-бергамта (с конца 1734 г. – Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления) – и подчиненных ему контор и ведомств. Все они получали жалование и, как правило, находились в штатах завода или канцелярии и контор, состоявших в ведении уральской горной администрации.

Еще одной причиной создания более или менее полных списков следует назвать особенности управления данной территорией. Педантичный В. де Геннин, руководивший организацией горнозаводского ведомства на Урале в 1722–1734 гг., стремился превратить Екатеринбург в идеальный административно-хозяйственный центр. Завод-крепость строился по европейским образцам, в основу которых был положен принцип регулярности. Регулярная застройка с выделением промышленной зоны, гостиного двора и зоны проживания «командиров» и представителей других социальных групп требовала компактного расселения последних строго в соответствии со степенью значимости каждой категории для бесперебойного функционирования производственных процессов [см.: Редин]. В. де Геннин обращал внимание не только на правильную организацию пространства завода-крепости, но и на «правильное» размещение в нем разных социальных групп, что нашло отражение в некоторых переписях населения.

Информационный потенциал подворных переписей 1728 и 1738 гг.

Для лучшего понимания источникового материала обратимся к характеристике переписей 1728 и 1738 гг. Выбор этих источников связан, во-первых, с тем, что они наиболее полно отражают социальную структуру Екатеринбурга, тогда как списки и переписи 1734, 1736, 1744 гг. носят специфический характер и не позволяют составить достаточно точное впечатление об основных группах населения завода-крепости. Во-вторых, они схожи в принципах проведения и методах фиксации данных, что может позволить выявить некоторые тенденции социальных изменений.

Подворная перепись населения Екатеринбурга 1728 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606]¹ проводилась представителями горно-

¹ «Перепись Екатеринбургской крепости дворам командирским, подьяческим, салдацким, мастерским, харчевническим, лавошническим, бобыльским и прочим, и что в них людей мужеска полу и женска душ, о том показано в сей переписи о всем имянно».

заводской администрации предположительно в полицейских целях. Сведения о результатах переписи обнаружены в фонде Берг-коллегии РГАДА. Результаты переписи оформлены в виде таблицы, разделенной на две части: в первой учтены дворы и их жители в пределах города, во второй фиксировались дворы, построенные за городом «вверх по Исети реке». Таблица разделена на три колонки. Первая колонка («сколько дворам») разделена на два столбца, в которых фиксировались статус («Двор государев...», «В своем дворе живет...») и количество дворов. Во второй колонке приводится описание двора. Для каждого двора указывалось имя хозяина (дворовладельца), здесь же перечислялись все, с ним живущие. Не занятые в заводских работах члены семьи, женщины, дети, прислуга, находившиеся на постое люди учитывались только количественно: «двор государев, в нем живет сержант Осип Украинцов, у него мужеска полу шесть, женска четыре, на падворье из бобылей женска полу четыре человека» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 560 об.]; «двор государев, в нем молотовой мастер Евсей Ошанин, у него жена, дочь. С ним меховой подмастерье Иван Коретников, у него жена, сын, да угольной мастер Федор Максимов» [Там же. Л. 569]; «в своем дворе живет плотник Никита Емельянов, у него мужеска полу пять, женска два, подьячих два, рекрут один» [Там же. Л. 561]. Некоторые объекты, находившиеся за городом, записаны следующим образом: «двор, в нем живет бобыль Дмитрий Серебряков, душ мужеска полу три, женска одна душа» [Там же. Л. 605 об.]. В третьей колонке («число людем»), поделенной на два столбца, представлен отдельный подсчет количества мужчин и женщин без учета возраста.

Примечательно, что перепись начинается с описания «дворов командирских», далее, согласно линиям, следует описание дворов остальных жителей завода-крепости без учета того, в чьей собственности они находились. Источник свидетельствует, что уже к 1728 г. жители Екатеринбурга нарушили первоначальную регулярную застройку города. Наряду с дворами «в линиях» оказались зарегистрированы дворы между ними: «промеж линей живет в своем дворе колотушечной ученик Сидор Сибиряков, у него жена, на подворье рекрут три человека» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 566].

Перепись проводилась несколькими делопроизводителями. Анализ графики записей показал участие в работе как минимум трех человек. В связи с этим в документе отмечаются разные подходы к процессу регистрации населения. В ряде случаев он более детален. В частности, один из переписчиков учитывал детей: «двор государев, в нем живет подьячей Пантелей Зверев, у него жена, сын. С ним живет платного двора мастер Никита Иванов, у него жена, три сына» [Там же. Л. 566 об.]; «двор государев, в нем живет молотовой мастер Ехом Якимов, у него сын, жена, дочь, бобыльской сын один» [Там же. Л. 568].

Исходя из названия и содержания результатов переписи можно сделать заключение о том, что данный источник содержит достаточно точные сведения о количестве и составе населения раннего Екатеринбурга.

Полицейская перепись 1738 г. осуществлялась в условиях башкирского восстания 1735–1740 гг. Оборона заводских поселений сделала необходимой регистрацию всего способного держать в руках оружие населения, которое могло быть потенциально мобилизовано для военных действий. Таким образом, целями организации переписи выступали учет мужского населения завода-крепости в возрасте от 15 до 60 лет, а также выяснение общего количества оружия и лошадей, рассредоточенных по дворам в стенах палисада и за его пределами («как внутри Екатеринбурга, так и в подгородных слободах с Мелковою деревнею»). Перепись также проводилась как подворная. Делопроизводители регистрировали мужское население в таблице, состоявшей из пяти колонок со следующими заголовками: «Дворов», «Звание людей», «Лет», «Лошадей», «Ружей» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 996. Л. 308]. Столбец «Ружей» был поделен на шесть колонок: «Фузей», «Турок», «Винтовок», «Писчалей», «Копей», «Сайдаков». Так выглядят таблицы на всех листах документа [Там же. Л. 308–356 об.].

Перепись осуществлялась по частям города. Сначала велась регистрация дворов внутри палисада (Канцелярская, или Торговая, и Церковная стороны). Затем переписчики перешли к учету населения в слободах за пределами крепостных стен. В перепись были включены данные о населении ближайшего пригорода завода-крепости – деревни Мельковки. Дворы описывались по линиям (улицам) с указанием, где эта линия располагалась относительно крепостных стен или ворот. Следует отметить, что в документе фиксировались и пустые дворы либо дворы, где не проживали мужчины соответствующей возрастной категории.

В заголовке документа отмечалось, что переписи подлежало все мужское население за исключением «самих командиров, обор и унтер-офицеров и рядовых салдат». В действительности в источнике зафиксированы все дворовладельцы, а также собственники лошадей и оружия. Как и задумывалось, в нее не попали «командирские» дворы. В то же время дворы солдат и офицеров низших рангов так или иначе встречаются в тексте источника. Наряду с военными в них часто проживали рекруты и представители других категорий населения. Кроме того, в полицейской переписи оказались зарегистрированы 15 женщин, а также мужчины-дворовладельцы старше 60 лет. Таким образом, перепись являлась неполным перечнем жителей города, так как не включала детей, большинство женщин и мужчин преклонного возраста. Итоговые количественные данные источника являются неточными и требуют корректировки с учетом особенностей формирования документа.

Несмотря на это, полицейская перепись 1738 г. представляет ценные сведения о размещении различных категорий населения. Так, например, канцелярские служители селились преимущественно на Канцелярской (Торговой) стороне Екатеринбурга внутри палисада [Там же. Л. 308–313 об., 321–323 об.]. Особенно много их дворов

сосредоточивалось «в линии от палисаду к казенным дворам». Купецкие и торговые люди проживали ближе к торговым рядам, располагавшимся на этой же стороне. Мастерские и рабочие люди расселялись более или менее равномерно по всей территории внутри крепости. Их дворы также встречаются за пределами палисада, правда, в гораздо меньшем количестве. В слободах за крепостными стенами располагались дворы бобылей и их родственников, а также ссыльных и каторжных. В целом социальный состав населения здесь был более разнообразен [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 996. Л. 331–355 об.].

Таким образом, изучение документов, содержащих результаты переписей, показало, что они имеют как большие сходства, так и существенные различия. Обе переписи созданы органами полицейского надзора с целью контроля над численностью населения завода-крепости. Они показывают желание горнозаводской администрации отслеживать процесс заселения Екатеринбурга и ее стремление пресечь появление потенциально нежелательных жителей (беглых, беспаспортных, владельческих крестьян и др.). В то же время переписи отличаются по целям создания, что обусловило разную степень охвата ими населения будущего города.

Анализ и характеристика полученных количественных данных

Обратимся к характеристике количественных данных, полученных в результате обработки выявленных источниковых комплексов. Нами проанализированы материалы переписей 1728, 1734, 1738, 1744 гг. Первоочередной задачей исследования стали подсчеты количества дворов и жителей Екатеринбурга, попавших под учетные мероприятия. Перепись 1736 г. была исключена из анализа по причине специфики фиксации населения: в ней прежде всего учитывались собственники скота (лошадей, коров, коз и пр.), что не позволяет рассматривать ее в качестве переписи населения города.

Выявление сведений о количестве дворов в историографии и документальных источниках позволило создать сравнительную таблицу, отражающую динамику изменения числа дворов в Екатеринбурге в пределах крепостных стен и за ними (табл. 1). По данным историков, в 1725 г. на территории внутри крепости насчитывалось 204 двора и два балагана. Спустя два года количество дворов выросло почти в два раза. Изменилось число дворов в палисаде, появились дворы за крепостными воротами. В последующие годы динамика роста количества дворов была неоднозначной. В частности, в 1734 г. наблюдается уменьшение числа дворов внутри крепости (с 295 до 243). В то же время увеличивается количество дворов за крепостными стенами (с 113 до 228). Это можно объяснить тем, что В. де Геннин, фактически руководивший Екатеринбургским заводом в 1723–1734 гг., стремился избавиться от нерегламентированной застройки, повелев в 1732 г. снести дворы, выстроенные в неустановленных местах за пределами

линий [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 211–211 об.]. Повторное уменьшение количества дворов на территории крепости в 1738 г. (с 317 до 295), скорее всего, было связано с попытками нового руководителя уральских заводов В. Н. Татищева произвести перепланировку Екатеринбурга. Строительство нового гостиного двора привело к расширению внутренней части города за счет перемещения западной стены крепости вовне. В этой связи часть дворов, идущих вдоль старой линии крепостной стены, была снесена [Корепанов, с. 71–72, 94].

Таблица 1

Изменение количества дворов в Екатеринбурге в 1725–1738 гг.

Расположение/Год	1725	1728	1734	1736	1738
Внутри крепости	204 + 2 балагана	295	243	317	295
За крепостными стенами	–	113	228	303	318
Всего	206	408	471	620	613

Сост. по: [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 62, 73 об., 74 об.; Д. 996. Л. 308–357; Очерки истории, 1973, с. 37; Корепанов, с. 34].

Увеличение числа дворов является показателем роста населения завода-крепости. Анализ полученных данных позволяет увидеть значительные расхождения в составе и количестве учтенного населения Екатеринбурга (табл. 2). Как уже отмечалось, их можно объяснить различиями принципов учета жителей. В 1728 г. была произведена подворная перепись всего мужского и женского населения завода-крепости. Этот источник содержит данные о лицах, проживавших как внутри палисада, так и за ним, в том числе и о населении ближайшего пригорода – деревни Мельковки. На наш взгляд, слободы и деревню, находившиеся за крепостными стенами, необходимо включать в состав населения Екатеринбурга, так как в них на постоянной основе жили лица, трудившиеся на заводе или обеспечивавшие иные жизненно важные нужды поселения. Кроме того, они были зарегистрированы в переписи в качестве жителей Екатеринбурга.

Уже спустя пять лет после своего основания Екатеринбург приобрел традиционную структуру, характерную для развитого городского поселения XVI–XVIII вв.: территория будущего города была поделена на две части и включала дворы внутри и за пределами укрепленных сооружений. Как уже отмечалось выше, в переписи не нашли отражение сведения о численности колодников – людей, содержащихся в тюрьме под караулом. Возможно, что они не были учтены, так как в Екатеринбург поступали правонарушители из подчиненных Сибирскому обер-бергамту дистриктов. В конце 1727 – начале 1728 г. на них составили дополнительный реестр, в котором значилось 70 чел.

[РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 612]. Таким образом, численность жителей может быть увеличена до 2907 чел. исходя из представления о необходимости учитывать не постоянное или юридическое, а наличное население Екатеринбурга.

Материалы 1738 г. позволяют получить информацию преимущественно о лицах мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. В соответствии с представлениями демографов количество мужчин этой возрастной группы могло составлять около 30–35 % от численности наличного населения Екатеринбурга [Боярский, с. 20]. Общее количество женщин, проживавших на территории завода-крепости в это время, было не менее 1287 чел. (числа лиц женского пола по подворной переписи 1728 г.). Таким образом, численность населения Екатеринбурга в этот период составляла от 3 до 4 тыс. лиц обоего пола.

Об увеличении численности населения Екатеринбурга в 1728–1738 гг. свидетельствует и сравнение учетного списка 1734 и переписи 1744 г., в которых содержатся сведения о мужчинах (в исключительных случаях – женщинах), так или иначе связанных с функционированием предприятий горнозаводского ведомства. Сопоставление данных о работниках и служащих, трудившихся на Екатеринбургском заводе и в Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов в 1734 и 1744 гг., показало увеличение их количества на 314 чел. (с 1001 до 1315). Следует отметить, что в учетный список 1734 г. попали арестанты и колодники, содержащиеся в тюрьме (74 чел.). В перепись 1744 г. также были включены военные, что привело к увеличению зарегистрированного наличного населения еще на 358 чел.

Таблица 2

**Изменение численности населения Екатеринбурга
во второй четверти XVIII в. (по данным источников 1728–1744 гг.)**

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1728	1559	1287	2837
1734	998	3	1001
1738	1215	15	1229
1744	1673	–	–

Сост. по: [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.; Д. 996. Л. 308–357; Д. 1071. Л. 10, 47 об, 51, 106 об., 142 об., 157 об.]

Несмотря на существенные различия в количественных данных, мы можем говорить о последовательном росте населения Екатеринбурга на протяжении всей второй четверти XVIII в. Эта тенденция становится особенно заметна при изучении численности мужского населения завода-крепости. Обращает на себя внимание, что число

женщин уступало количеству мужчин, что уже отмечалось некоторыми исследователями. Рост населения происходил как за счет естественного прироста, так и путем миграции. В течение всего рассматриваемого периода в городе отмечались прибывающие из различных губерний (Архангелогородской, Московской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Сибирской), городов (Кунгура, Тюмени, Верхотурья) и слобод (например, Мурзинской, Арамашевской, Арамильской, Чюмляцкой) Российской империи. Так, в 1726 г. в Екатеринбурге было учтено 354 «пришлых» человека, живущих в городе «своим двором и на подворьях» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1 Д. 95. Л. 57–73 об.].

Немаловажной оказывалась позиция власти, стремившейся всеми возможными способами расширить количество жителей, занятых в заводских работах. Например, со второй половины 1720-х гг. желающих солдат было решено принимать в мастерские и работные люди. Кроме того, на Урале не проводились полноценные рекрутские наборы. Рекруты не отправлялись на службу в другие уезды и губернии, их оставляли при заводах осваивать профессию и работать на производстве. Еще одной социальной группой, которая обеспечивала функционирование завода, были ссыльные. Изучение документов переписей позволяет сделать вывод, что делопроизводители не всегда отмечали эту категорию населения, чаще упоминая при их регистрации статус на производстве.

Таким образом, процесс формирования Екатеринбурга имел ряд особенностей. Новый населенный пункт первоначально отличался от городов традиционного типа, где имелись сложившийся посад и городская округа, а основными занятиями жителей являлись ремесло и торговля. Мерный рост населения здесь также не был возможен: запуск завода требовал команды специалистов, которых не было на месте, – руководителей горнозаводским производством и мастеровых и работных людей, а также работников, занятых преимущественно тяжелым физическим трудом. Такая ситуация обуславливала быстрый, практически единовременный рост численности населения на еще недавно пустовавшей территории, где наряду с созданием социальной инфраструктуры важно было организовать бесконфликтную коммуникацию «нового» населения завода-крепости.

Исследование источников показало, что горнозаводская администрация стремилась держать под контролем изменения социального состава жителей и размещения населения на территории завода-крепости. Это можно заметить как при анализе частоты составления локальных переписей, так и при изучении изменений количества дворов, зафиксированных в документах. Сопоставление данных о численности населения показало, что в наибольшей степени в источниках отразились сведения о мужчинах, трудившихся на Екатеринбургском заводе. За исключением переписи 1728 г., информация о женщинах представлялась лишь эпизодически, так как регистрировались либо дворовладелицы, либо женщины, занятые на «службе»

в горнозаводском ведомстве. Тем не менее, имеющиеся сведения позволяют увидеть, что в Екатеринбурге количество лиц мужского пола превосходило число женщин. На наш взгляд, эта тенденция объясняется особенностями занятости населения и направленностью государственно регулировавшихся миграционных потоков.

Несмотря на разные принципы фиксации данных, материалы переписей показывают последовательный рост количества жителей завода-крепости. В первую очередь он заметен при изучении численности мужского населения, особенно его части, занятой в обеспечении бесперебойного функционирования производственных процессов. Эти наблюдения подкрепляются изучением расположения и состава дворов, которое можно произвести по материалам подворных переписей.

Горнозаводская администрация была заинтересована не только в том, чтобы расширить состав специалистов горно-металлургического комплекса, но и в том, чтобы сформировать группу жителей, которые бы занимались обеспечением мастеровых и рабочих людей продовольствием и иными товарами первой необходимости. Тем самым последние могли бы не отвлекаться от своих прямых обязанностей. Такая политика вызвала приток в город ремесленников и торговых людей. В частности, отдельной группой жителей Екатеринбурга, напрямую не вовлеченных в горно-металлургическое производство, являлись бобыли. Им было разрешено селиться в пределах Екатеринбурга уже в 1726 г. [Корепанов, с. 38]. Приток новых групп населения, строительство гостиного двора (ставшего центром притяжения для жителей сопредельных территорий), развитие социально-экономической инфраструктуры Екатеринбурга в целом постепенно меняли облик заводского поселка. Эти процессы проявились уже через пять лет после запуска производства: завод-крепость приобрел черты, характерные для городского поселения, что стало одной из предпосылок его превращения с течением времени в город с традиционными структурами и институтами.

Библиографические ссылки

Боярский А. Я. Курс демографической статистики. М. : Госпланиздат, 1945. 264 с.
Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М. : Наука, 1977. 265 с.

Горловский М. А. Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале : (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х г. XIX в.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 1956. 24 с.

Горловский М. А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 113–121.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95, 354, 450, 610, 621, 881, 996, 1071, 1192.

Екатеринбург за двести лет (1723–1923 гг.) / под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Юбилейная комиссия Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. 346 с.

Екатеринбург : Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург : Екатеринбург, 1998. 227 с.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.

Кабузан В. М. Население Урала в 20–60-х гг. XVIII в. (численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма : сб. науч. тр. Свердловск : УрО АН СССР, 1990. С. 47–65.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1783 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 252 с.

Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Урал. демогр. форума : в 2 т. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2021. Т. 1. С. 91–99. DOI 10.17059/udf-2021-1-12.

Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Урал. гос. ун-та. 1998. № 9. С. 95–100.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. 213 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург : ист. очерк // Город Екатеринбург : сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург : И. И. Симанов, 1889. С. 1–57.

Оруджиева А. Г. Население Екатеринбурга: из прошлого в настоящее // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. / отв. ред. Е. С. Тулисов. Екатеринбург : Филантроп, 2002. С. 108–110.

Очерки истории Свердловска. Свердловск : Книж. изд-во, 1958. 396 с.

Очерки истории Свердловска. 1723–1973. Свердловск : Ср.-Урал. книж. изд-во, 1973. 374 с.

Пулькин М. В. Феномен горнозаводского населения (по материалам Олонецких Петровских заводов) // *Studia Humanitatis* : [электр. журн.]. 2018. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения: 16.04.2023). DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004.

Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения городского текста // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 3. С. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795.

Черкасова А. Н. Состав населения Нижнего Тагила в середине XVIII в. // Черкасова А. Н. Рождение индустриальной цивилизации Урала, XVIII век : Исследования, 1961–1991 гг. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2012. С. 74–89.

Чупин Н. К. К истории Екатеринбурга. Подворные описи Екатеринбурга в 1736 году // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Пермских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Перм. губ. стат. комитет, 1882а. Вып. 1. С. 41–47.

Чупин Н. К. Полуторастолетие Екатеринбурга (1723–1873 гг.) // Сборник статей касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Пермских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Перм. губ. стат. комитет, 1882b. Вып. 1. С. 1–37.

References

Boyarsskii, A. Ya. (1945). *Kurs demograficheskoi statistiki* [A Course of Demographic Statistics]. Moscow, Gosplanizdat. 264 p.

Bykov, V. M. (Ed). (1923). *Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923 gg.)* [Yekaterinburg throughout Two Hundred Years (1723–1923)]. Yekaterinburg, Yubileynaya komissiya Ekaterinburgskogo gorodskogo soveta rabochikh i krasnoarmeiskikh deputatov. 346 p.

Cherkasova, A. N. (2012). Sostav naseleniya Nizhnego Tagila v seredine XVIII v. [The Diversity of Population of Nizhny Tagil in the Mid-18th Century]. In Cherkasova, A.

N. *Rozhdenie industrial'noi tsivilizatsii Urala, XVIII vek. Issledovaniya, 1961–1991 gg.* Yekaterinburg, Demidovskii institut, pp. 74–89.

Chupin, N. K. (1882a). K istorii Ekaterinburga. Podvornye opisi Ekaterinburga v 1736 godu [On the History of Yekaterinburg. Household Censuses of Yekaterinburg in 1736]. In *Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Permskikh vedomostei v period 1842–1881 gg.* Perm, Permskii gubernskii statisticheskii komitet. Iss. 1. pp. 41–47.

Chupin, N. K. (1882b). Polutorastoletie Ekaterinburga (1723–1873 gg.) [Yekaterinburg's 150th Anniversary (1723–1873)]. In *Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Permskikh vedomostei v period 1842–1881 gg.* Perm', Permskii gubernskii statisticheskii komitet. Iss. 1. pp. 1–37.

Ekaterinburg. Istoricheskie ocherki (1723–1998) [Yekaterinburg. Historical Essays (1723–1998)]. (1998). Yekaterinburg, Yekaterinburg. 227 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 95, 354, 450, 610, 621, 881, 996, 1071, 1192.

Gorlovskii, M. A. (1956). *Ocherki iz sotsial'no-ekonomicheskoi istorii russkogo goroda na Urale. (Ekaterinburg v XVIII – nachale 70-kh g. XIX v.)* [Essays from the Socio-Economic History of the Russian City in the Urals (Yekaterinburg in the 18th – Early 1870s)]. Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, S. n. 24 p.

Gorlovskii, M. A. (1958). Sotsial'nyi sostav naseleniya Ekaterinburga vo vtoroi polovine XVIII v. [The Social Figures of the Population of Yekaterinburg in the Second Half of the 18th Century]. In *Iz istorii rabochego klassa i revolyutsionnogo dvizheniya.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 113–121.

Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. (po materialam revizii)* [The Population of Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries (Based on Census Materials)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 230 p.

Kabuzan, V. M. (1990). Naselenie Urala v 20–60-kh gg. XVIII v. (chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav) [The Population of the Urals in the 1720s–1760s (Number, Location, Ethnic Diversity)]. In *Demograficheskie protsessy na Urale v epokhu feodalizma. Sbornik nauchnykh trudov.* Sverdlovsk, Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, pp. 47–65.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1783 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1783)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Kornilov, G. E. (2021). Trekhstoletnyaya demograficheskaya istoriya Ekaterinburga: istochniki i istoriografiya [Three Hundred Years of Demographic History of Yekaterinburg: Primary Sources and Historiography]. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. Sbornik statei XII Ural'skogo demograficheskogo foruma v 2 t.* Yekaterinburg, Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN. Vol. 1, pp. 91–99. DOI 10.17059/udf-2021-1-12.

Kuz'min, A. I., Orudzhieva, A. G. (1998). Istoriko-demograficheskii portret Ekaterinburga [Historical and Demographic Portrait of Yekaterinburg]. In *Izvestia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 9, pp. 95–100.

Lotareva, R. M. (1913). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ural'skii arkhitekturno-khudozhestvennyi institut. 213 p.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1889). *Gorod Ekaterinburg. Istoricheskie ocherk* [Yekaterinburg City. An Historical Essay]. In *Gorod Ekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu, s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu.* Yekaterinburg, I. I. Simanov, pp. 1–57.

Ocherki istorii Sverdlovskaya [Essays on the History of Sverdlovsk]. (1958). Sverdlovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 396 p.

Ocherki istorii Sverdlovskaya. 1723–1973 [Essays on the History of Sverdlovsk. 1723–1973]. (1973). Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 374 p.

Orudzhieva, A. G. (2002). Naselenie Ekaterinburga: iz proshlogo v nastoyashchee [The Population of Yekaterinburg: From the Past to the Present]. In Tulisov, E. S. (Ed.). *Ekaterinburg: ot zavoda-kreposti k evrazijskoi stolitse. Materialy vsereossiiskoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 23–24 maya 2002 g. Yekaterinburg, Filantrop, pp. 108–110.

Pul'kin, M. V. (2018). Fenomen gornozavodskogo naseleniya (po materialam Olonetskikh Petrovskikh zavodov) [The Phenomenon of the Mining Plant Population (Based on the Materials of the Olonets Petrovsky Plants)]. In *Studia Humanitatis* [electronic journal]. No. 2. URL: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (accessed: 16.04.2023). DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004.

Redin, D. A. (2021). Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya gorodskogo teksta [General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text"]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No 3, pp. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 271. List 1. Dos. 795.

Vodarskii, Ya. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie)* [The Population of Russia in the Late 17th – Early 18th Centuries (Number, Class Figures, Location)]. Moscow, Nauka. 265 p.

The article was submitted on 23.03.2023